

презираютъ его, а всетаки повинуются ему. Хорошо было людямъ древности исполнять свои законы. Они вѣрили, точно вѣрили въ то, что законъ ихъ (онъ же большею частью былъ религиозный) былъ единственныи истинный законъ, которому должны подчиняться все люди. Но мы? Вѣдь мы знаемъ и не можемъ не знать, что законъ нашего государства не только не есть одинъ вѣчный законъ, но что это только одинъ изъ многихъ законовъ разныхъ государствъ, одинаково несовершенныхъ, а часто и явно ложныхъ и несправедливыхъ, со всехъ сторонъ обсуждавшихся въ газетахъ. Хорошо было еврею подчиняться своимъ законамъ, когда онъ не сомнѣвался въ томъ, что ихъ писалъ пальцемъ Богъ; или — римлянину, когда онъ думалъ, что ихъ писала нимфа Егерія; или даже, когда вѣрили, что цари, дающие законы — помазанники Божіи, или хотъ тому, что собранія законодательныя имѣютъ и желаніе и возможность найти наилучшіе законы. Но вѣдь мы знаемъ, какъ дѣлаются законы, мы все были за кулисами, мы все знаемъ, что законы суть произведенія корысти, обмана, борьбы партій, — что въ нихъ нѣтъ и не можетъ быть истинной справедливости. И потому люди нашего времени не могутъ вѣрить тому, чтобы повиновеніе законамъ гражданскимъ или государственнымъ удовлетворяло бы требованіямъ разумности человѣческой природы. Люди давно уже знаютъ, что неразумно повиноваться такому закону, въ истинности котораго можетъ быть сомнѣніе и потому не могутъ не страдать, повинаясь закону, разумность и обязательность котораго не признаютъ.

Не можетъ человекъ не страдать, когда вся его жизнь впередъ опредѣлена законами, которымъ онъ долженъ повиноваться, подъ угрозой наказанія, и — разумности, справедливости которыхъ онъ не только не вѣритъ, но несправедливость, жестокость, неестественность которыхъ онъ часто ясно сознаетъ. Мы признаемъ ненужность таможенъ и граничныхъ пошлинъ, и должны платить ихъ; признаемъ бесполезными расходы на содержаніе двора и многихъ чиновъ управленія; признаемъ вредной проповѣдь церковную и должны участвовать въ поддержаніи этихъ учреждений; мы признаемъ жестокими и безсовѣстными вѣканіями, накладываемыя судами, и должны участвовать въ нихъ; признаемъ неправильнымъ и вреднымъ распределеніе земельной собственности и должны подчиняться ему; не признаемъ необходимости войскъ и войны и должны нести страшныя тяжести для содержанія войскъ и веденія войны и т. п.

Но и это противорѣчіе ничто въ сравненіи съ противорѣчіемъ, которое въ международныхъ сношеніяхъ возстало теперь передъ людьми, и подъ угрозой гибели

и человѣческаго разума, и человѣческой жизни, требуютъ разрѣшенія. Это противорѣчіе христіанскаго сознанія и войны.

Мы все христіанскіе народы, живущіе одной духовной жизнью, такъ что всякая добрая, плодотворная мысль, возникающая на одномъ концѣ міра, тотчасъ же сообщается всему христіанскому человечеству, вызываетъ одинаковыя чувства радости и гордости независимо отъ національности; мы, любящіе не только мыслителей, благодѣтелей, поэтовъ, ученыхъ чужихъ народовъ, мы, гордящіеся подвигомъ Даміана, какъ своимъ собственнымъ, мы, просимъ любящіе людей чужихъ національностей: Французовъ, Нѣмцевъ, Американцевъ, Англичанъ, мы, не только уважающіе ихъ качества, но радующіеся, когда встречаемся съ ними, радостно улыбающіеся имъ, не могущіе не только считать подвигомъ войну съ этими людьми, но не могущіе безъ ужаса подумать о томъ, чтобы между этими людьми и нами могло возникнуть таксе разногласіе, которое должно бы было быть разрѣшено взаимнымъ убійствомъ, — мы все призваны къ участию въ убійствѣ, которое неизбежно, не нынче, такъ завтра должно совершиться.

Вѣдь хорошо было Еврею, Греку, Римлянину не только отстаивать независимость своего народа убійствомъ, но и убійствомъ же подчинять себѣ другіе народы, когда онъ твердо вѣрилъ тому, что его народъ одинъ настоящій, хороший, добрый, любимый Богомъ народъ, а все остальные — филистимляне, варвары. Могли вѣрить въ это еще и люди средневѣковыя, могли вѣрить недавно еще въ концѣ прошлаго и въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія. Но мы, сколько бы ни раздразнивали насъ, мы уже не можемъ вѣрить въ это, и противорѣчіе это для людей нашего времени такъ ужасно, что жить, не разрѣшивъ его, стало невозможно.

«Мы живемъ во время, полное противорѣчій», пишетъ въ своемъ учебномъ трактатѣ профессоръ международнаго права графъ Комаровскій. «Въ печали всѣхъ странъ постоянно выдвигается всеобщее стремленіе къ миру, къ необходимости его для всѣхъ народовъ. Въ томъ же смыслѣ говорятъ представители правительствъ и частныя люди, и какъ официальные органы, въ парламентскихъ рѣчахъ, въ дипломатическихъ переговорахъ и даже во важныхъ договорахъ. Въ то же время, однако, возвышаются правительства ежегодно военную силу страны, накладываютъ новыя подати, дѣлаютъ займы и оставляютъ будущимъ поколѣніямъ, какъ завѣщаніе, обязанность нести ошибки теперешней неразумной политики. Какое кричащее противорѣчіе между словами и дѣломъ!»

«Конечно правительства указываютъ для оправданія этихъ мѣръ на исключительно оборонительный характеръ всѣхъ этихъ